

Потто.

Оборона
крепости Шуши.

$\triangle \frac{428}{359}$

$\triangle \frac{428}{359}.$

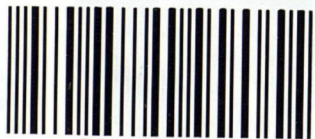
СОЛДАТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОБОРОНА
КРѢПОСТИ ШУШИ.

В. А. БЕРЕЗОВСКАГО

128
359

2007059485

428
359

БЖЗ
П645го.

Геройская оборона крѣпости Шуши.

В-39-11657

ь половинѣ іюля 1826 года въ русскія области на Кавказѣ, пограничныя съ Персіею, совершенно внезапно, безъ всякаго объявленія войны вторглись персидскія войска. Части русскихъ войскъ, занимавшія пограничные посты, не были въ силахъ остановить разбойнически-дерзкіе набѣги непріятеля, и во многихъ мѣстахъ безоружное населеніе подверглось

жестокому разбою и грабежу со стороны персидских отрядовъ. Въ то же время большая персидская армія подъ начальствомъ наслѣднаго принца персидскаго Аббасъ-Мирзы быстро двигалась къ одному изъ покоренныхъ Россіей ханствъ татарскихъ, а именно къ Карабагу. Здѣсь, въ ханствѣ карабагскомъ наслѣдникъ персидскаго царства рассчитывалъ найти обширную преданную ему партію, давно уже подготовляемую вліяніемъ мусульманскаго духовенства и, не менѣе того, обѣщаніями и подкупамы. И онъ не ошибся. На самой границѣ его встрѣтила толпа знатныхъ татаръ, предводимая Гаджи-Агаларъ-Бекомъ, знатнѣйшимъ изъ всѣхъ, капитаномъ русской службы, владѣвшимъ обширными помѣстьями на самой границѣ Персіи.

Аббасъ-Мирза остановился въ домѣ Агалара, гдѣ шумно и торжественно отпраздновано было побѣдоносное вступленіе въ непріятельскую землю. Предвидѣлъ ли принцъ плачевные для Персіи плоды начатой имъ войны — неизвѣстно; но съ исторіей его вступленія въ русскія границы соединено сказаніе о зловѣщемъ пророчествѣ, будто бы внезапно внесшемъ въ домъ Гаджи-Агалара, послѣ радостнаго пиршества, всеобщее уныніе. Послѣ торжественнаго обѣда, говоритъ сказаніе, два служителя несли на головахъ остатки разныхъ яствъ, которыя поданы были принцу въ дорогихъ китайскихъ сосудахъ, установлен-

ныхъ на двухъ большихъ серебряныхъ подносахъ. И вотъ, оба эти подноса одновременно сорвались съ головъ служителей, и вся китайская посуда разбилась въ дребезги. Принцъ былъ пораженъ и втайнѣ смущенъ той странной случайностью, что два опытныхъ служителя одновременно обнаружили невѣроятную неловкость. Призванъ былъ снотолкователь, но и онъ смутился не менѣе принца, узнавъ о случившемся. «Повелитель, — сказалъ онъ наконецъ:— потеряетъ въ двухъ большихъ сраженіяхъ всю свою армію, а затѣмъ невѣрные перенесутъ свое оружіе въ Персію и истощатъ ея послѣднія силы». Принцъ пообѣщаль предсказателю висѣлицу — и двинулъ свои войска къ Шушинской крѣпости.

Между тѣмъ въ Карабагской провинціи расположенъ былъ тогда только одинъ 42 егерскій полкъ, въ разстояніи трехсотъ верстъ отъ резервовъ и лишенный почти цѣлаго баталіона, находившагося въ Ширванской и Нухинской провинціяхъ. Въ общемъ это составляло 2,700 штыковъ, при шести орудіяхъ и четырехстахъ двадцати казакахъ — сила ничтожная передъ огромною персидскою арміею.

Войсками въ Карабагской провинціи командовалъ полковникъ Іосифъ Антоновичъ Реутъ, кавказскій ветеранъ, сподвижникъ Циціанова, герой ахалкалак-скаго боя (11 сентября 1810 года), памятью котораго служилъ на груди его крестъ св. Георгія.

Реуть, которому армяне доставляли обстоятельныя свѣдѣнія о сборахъ и числѣ непріятеля, давно предвидѣлъ возможность вторженія. Онъ зналъ, что, уже около мѣсяца назадъ, персидская армія начала стягиваться къ русскимъ границамъ, и что Карабагъ переполненъ персидскими агентами. Реуть доносилъ обо всемъ, что ему сообщали, въ Тифлисъ; изъ Тифлиса Ермоловъ доносилъ въ Петербургъ. Но въ Петербургѣ не ожидали войны, и донесенія оставались безъ послѣдствій. Тѣмъ не менѣе, въ официальныхъ предписаніяхъ отъ 9 и 13 іюля, Ермоловъ увѣдомлялъ Реута, что въ помощь къ нему придутъ двѣ роты изъ Ширванской провинціи, и предписывалъ укрѣпить полковую штабъ-квартиру Чинахчи; для защиты же Шушинской крѣпости выслать въ помощь жителямъ одну егерскую роту. Послѣднее распоряженіе Реуть исполнилъ немедленно, но этимъ пока и ограничились всѣ мѣры къ оборонѣ страны, въ которой, въ случаѣ войны съ Персіей, надлежало ожидать появленія главныхъ силъ непріятеля.

Въ такомъ положеніи были дѣла, какъ вдругъ, 18 іюля, на границѣ неожиданно случилось слѣдующее происшествіе: отрядъ изъ 15 казаковъ, подъ командою хорунжаго, дѣлалъ обычный разъѣздъ по берегу Аракса. У Худоперинскаго моста онъ отдѣлилъ отъ себя патруль изъ пяти человекъ — осмо-

трѣть, нѣтъ ли гдѣ на русскомъ или на персидскомъ берегу хищническихъ шаекъ. Пять казаковъ слѣзли съ лошадей и отправились пѣшкомъ. Но имъ только однимъ и суждено было уцѣлѣть изъ всего разъѣзда. Вотъ что потомъ рассказывалъ одинъ изъ нихъ: «Прошло часа два времени. Мы уже проползли камышами версть пять, какъ вдругъ, позади насъ, зачастили ружейные выстрѣлы. Прислушались, — какъ будто бы на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ остался хорунжій. Мы туда, — а навстрѣчу уже ѣдетъ человекъ триста персидской конницы, и въ срединѣ ихъ всѣ наши казаки, и хорунжій съ ними, — связанные... Мы назадъ, запрятались въ кусты, да такъ и просидѣли тамъ до ночи. Партія прошла мимо и потянула къ татарскимъ кочевьямъ...»

Въ этотъ день, какъ только смерклось, за Араксомъ, гдѣ-то далеко грянулъ пушечный выстрѣлъ, а ночью разлилось по темному небу громадное зарево... То были бивачные огни персидской арміи.

Появленіе въ Чинахчахъ этихъ пяти казаковъ, только случайности обязанныхъ своимъ спасеніемъ, вызвало общую суматоху. Командиръ казачьяго полка, взявши съ собою сотню, самъ поскакалъ на мѣсто происшествія и у Худоперинскаго моста столкнулся со всею персидскою арміею. Казаки понеслись назадъ и дали знать Реуту. Спустия два, три

часа и изъ Шуши прискакали армяне съ извѣстіемъ отъ коменданта Карабагской провинціи, маіора Челяева, что, на зарѣ 19 іюля, персіяне, въ числѣ 60 тысячъ человѣкъ, при 30 орудіяхъ, вторглись въ Карабагъ и идутъ форсированнымъ маршемъ къ Шушѣ, поднимая повсюду среди татаръ возмущеніе.

Въ распоряженіи Реута было въ этотъ моментъ всего пять ротъ егерей, такъ какъ изъ остальныхъ — одна рота стояла въ Шушѣ, а три находились въ Герюсахъ, въ гористой части Карабага, прикрывая татарскія кочевья. Чинахчи, гдѣ расположена была полковая штабъ-квартира, еще не укрѣплялась, и передъ ней не было возможности установить непріятеля. Реуту оставалось отойти въ Шушу, и въ тотъ же день, передъ вечеромъ, двѣ роты уже выступили въ путь, оставивъ три остальные въ Чинахчахъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ перевезены въ Шушу всѣ полковыя тяжести.

А ночью отъ Челяева прискакалъ новый гонецъ съ извѣстіемъ, что сильная персидская кавалерія и часть сарбазовъ быстро идутъ кратчайшею дорогою къ Шушѣ и передъ свѣтомъ должны уже быть на мѣстѣ, называемомъ Топъ-хана, чтобы отрѣзать Реуту путь. Челяевъ извѣщалъ, сверхъ того, что, по слухамъ, въ эту самую ночь карабагскіе татары намѣрены напасть на роты, расположенныя въ самой крѣпости.

Реутъ былъ не изъ числа тѣхъ, которые способны терять голову въ критическія минуты, но и онъ былъ смущенъ вѣстью о приближеніи громадной арміи, внезапно очутившейся отъ него въ одномъ или въ двухъ переходахъ. Терять времени было нельзя, и въ ту же ночь онъ съ остальными ротами поспѣшно отошелъ въ Шушу, покинувъ Чинахчи на произволь судьбы со всеми находящимися въ немъ полковыми тяжестями.

Между тѣмъ, въ измѣнѣ татаръ уже не было больше сомнѣній: подъ самыми стѣнами Шуши отрядъ видѣлъ нѣсколько труповъ армянъ, а на другой день, на мельницѣ, снова убиты татарами двое солдатъ.

Нужно сказать, что крѣпость Шуша, какъ расположенная въ сторонѣ отъ дороги къ границѣ, была совсѣмъ не готова къ роли, которую ей предстояло теперь принять на себя; въ ней не было ни достаточныхъ вооруженій, ни запасовъ. Разсчитывая строить крѣпость на Араксѣ, при Асландузѣ, Ермоловъ мало обращалъ вниманія на Шушу. Онъ и не думалъ занимать ее, опасаясь именно того, что цѣлые два баталіона, запершись въ ней, остались бы совершенно бездѣтельными, тогда какъ въ общемъ планѣ дѣйствій они могли бы принести существенную пользу. И потому въ особой инструкціи полковнику Реуту предписывалось собрать войска

въ Чинахчахъ, дождаться прибытія туда двухъ ротъ изъ Ширвани, усилить себя карабагскою милиціею и держаться насколько возможно въ укрѣпленной позиціи, чтобы поспѣшнымъ отступленіемъ не произвести волненія въ народѣ; если же силы непріятели оказались бы значительными, особенно, если самъ Аббасъ-Мирза перешелъ бы границу, то истребить всѣ тяжести и, совершенно очистивъ Карабагъ, отступать на Шахъ-Булахъ, Елисаветполь и далѣе къ Тифлису, не давая себя отрѣзать въ горахъ. Инструкція эта, написанная въ Тифлисѣ 21 іюля, слѣдовательно тогда, когда персіяне были уже въ Карабагѣ, не дошла по назначенію, — персіяне ее перехватили; а когда Реутъ получилъ копію ея, будучи въ Шушѣ, то исполнить приказаніе было уже невозможно: роты, слѣдовавшія къ нему изъ Шемахи, узнавъ о вторженіи персіянь, вернулись съ береговъ Куры и пошли окружною дорогою къ Тифлису, о сборѣ карабагской милиціи нечего было думать, да и дорога на Елисаветполь была уже отрѣзана.

Такимъ образомъ, приходилось защищаться въ Шушѣ, и тремъ ротамъ съ двумя орудіями, прикрывавшимъ, подъ начальствомъ подполковника Назимки, татарскія кочевья въ гористой части Карабага, послано было приказаніе поспѣшить туда же для соединенія съ полкомъ. Персіяне, чтобы не

дать усилиться шушинскому гарнизону, рѣшили прежде всего помѣшать этому соединенію.

Отряду Назимки предстояло пасть жертвою персидскаго вѣроломства.

Селеніе Герюсы лежитъ въ глубокомъ ущельѣ. Ущелье это замѣчательно тѣмъ, что оно, какъ ча-стоколомъ, уставлено какими-то высокими камен-ными столбами, придающими и окружающей мѣ-стности и самому селенію необыкновенно своеоб-разный характеръ, единственный даже въ прихотли-выхъ горахъ Кавказскаго края. Самые Герюсы съ своими красивыми саклями и башнями, съ своею армянскою часовнею и водяною мельницею на гре-мучемъ потокѣ, осѣненномъ развѣсистыми чинарами, расположены амфитеатромъ на террасахъ крутого спуска въ Герюское ущелье. Такимъ образомъ мѣ-стность эта, красивая и оригинальная, чрезвычайно удобна для обороны. Но ничтожный отрядъ все-таки былъ безсиленъ передъ подавляющею массою не-пріятели.

Предписаніе объ отступленіи въ Шушу, какъ разсказываютъ современники, почему-то запоздало. Къ тому же оно, на бѣду, получено было въ Ге-рюсахъ во время раздачи солдатскаго жалованья, когда, по заведенному обычаю, бывалъ разгулъ въ бѣдной развлеченіями кавказской жизни; поэтому выступленіе баталіона замедлилось на цѣлыя сутки, и когда онъ вышелъ—непріятель уже былъ близко.

На двѣнадцатой верстѣ отъ Герюсовъ, въ глубокомъ каменистомъ ущельѣ, русскій отрядъ достигнуть былъ мятежною карабагскою конницею. Одни персіяне не могли бы остановить Назимку, они не смѣли бы даже войти въ гористую землю, если бы не эти измѣнники, теперь окружившіе отрядъ со всѣхъ сторонъ и захватившіе въ свои руки всѣ выходы изъ горъ на равнину. Скоро на помощь къ карабагцамъ подоспѣла персидская конница и подвезла съ собою пѣхоту. Съ каждымъ шагомъ положеніе отряда становилось все затруднительнѣе и хуже. Персидская артиллерія, довольно искусно управляемая однимъ англичаниномъ, котораго въ послѣдствіи уложило навѣки русское ядро подъ Шушею, скоро взорвала зарядный ящикъ, подбила лафетъ и истребила всѣхъ артиллерійскихъ лошадей. Въ рядахъ русскаго баталіона появилось замѣшательство. Говорятъ, что армяне предлагали Назимкѣ провести отрядъ въ Шушу по горнымъ тропинкамъ, какъ это было нѣкогда съ отрядами Карягина, Котляревскаго и Ильяшенки, но онъ не рѣшился бросить орудія и вьюки и продолжалъ драться на невыгодной мѣстности, надѣясь добратъся до рѣчки Ахъ-Кара-Чай. Дѣло въ томъ, что за этою рѣчкою, протекающей верстахъ въ 25 отъ Герюсовъ, на пути къ Шушѣ, начиналась гористая мѣстность, покрытая огромными густыми лѣсами,

куда не отважился бы послѣдовать за нимъ ни одинъ персіянинъ, и отрядъ былъ бы спасенъ. Къ несчастію, надеждамъ Назимки сбыться было не суждено. До Ахъ-Кара-Чая оставалось еще 13 верстъ, и все это пространство нужно было проходить при непрерывномъ боѣ. Палящій зной, недостатокъ воды, поминутная убыль людей, оставлявшихъ строй, чтобы помогать повозкамъ и артиллеріи, мало-по-малу истощили силы солдатъ. Въ продолженіе трехъ часовъ стойко выдерживая натискъ непріятеля, они подошли, наконецъ, къ крутому спуску къ Ахъ-Кара-Чаю; казалось еще одно усиліе — и цѣль была бы достигнута. Но здѣсь-то именно отрядъ и ожидала гибель. Переправа была уже отрѣзана.

Изъ рапорта полковника Реута видно, что въ бою, въ трехъ ротахъ 42 егерскаго полка, должны были участвовать 2 штабъ-офицера, 16 оберъ-офицеровъ и 874 нижнихъ чина; сверхъ того, при двухъ орудіяхъ находилось 20 человекъ артиллеристовъ да въ казачьей сотнѣ — 3 оберъ-офицера и 94 казака. Столько же изъ этого числа погибло въ бою и сколько попало въ плѣнъ, точныхъ свѣдѣній нѣтъ. Достоверно извѣстно однако, что убитыхъ было не много, но что изъ всего отряда спаслись только два офицера (поручики Назимовъ и Богдановъ) и шесть нижнихъ чиновъ.

Истребленіе цѣлаго баталіона почти въ тысячу

штыковъ было дѣломъ неслыханнымъ для Кавказскаго края. Лѣтописи Кавказа, изобилующія примѣрами геройскихъ побѣдъ слабыхъ отрядовъ надъ сильнымъ непріателемъ, не помнили подобнаго факта. Восточная фантазія мусульманъ, съ своей стороны, раздувала персидскіе успѣхи до размѣровъ чудовищныхъ; о нихъ повсюду ходили слухи, роняя обаяніе русскаго имени и устрашая преданныхъ Россіи христіанъ. Хозяйничанье персіянъ въ краѣ и разгромы мирныхъ деревень, которымъ войска безсильны были оказать защиту, какъ бы подтверждали эти слухи.

Разграбленіе селенія Чинахчи, принадлежавшаго князю Мадатову, и въ немъ штабъ-квартиры единственнаго въ Карабагъ 42-го полка, брошенной въ добычу непріателю, еще болѣе усилили невыгодное впечатлѣніе, произведенное обстоятельствами этого времени.

Между тѣмъ какъ нападеніе на герюсскій гарнизонъ, разореніе мирныхъ деревень и торжества по случаю этихъ побѣдъ задержали персидскія войска, — въ Шушѣ съ часу на часъ ожидали появленія полчищъ Аббасъ-Мирзы, и Реуть спѣшилъ исправлять крѣпостные верки. Но вотъ, прошелъ день, другой, а непріатель не показывался. Тогда Реуть рѣшился спасти полковое имущество, оставшееся въ Чинахчахъ, и выслалъ съ этою цѣлью

часть своихъ ротъ. Предпріятіе до нѣкоторой степени удалось.

Въ первый день всѣ полковыя и ротныя повозки успѣли два раза вернуться изъ Чинахчи нагруженными. Колесный обозъ доходилъ, однако, только до деревни Шушакентъ, гдѣ воза разбирались и вещи поднимались въ крѣпость уже на вьюкахъ. На слѣдующій день повторилось то же; но на третій—появились сильныя шайки татаръ, пробовавшія нападать на прикрытіе. Перевозка была пріостановлена, и часть полковыхъ вещей захватилъ неприятель.

Прошло три дня съ того момента, какъ Реутъ заперся въ Шушъ.

И вотъ, 24 іюля, прискакалъ армянинъ съ извѣстіемъ, что Назимка въ плѣну и роты его истреблены. А вслѣдъ затѣмъ, утромъ 15 числа, горизонтъ зачернѣлся персидскими полчищами. Впослѣдствіи официальные данныя подтвердили, что съ Аббасъ-Мирзою, по вступленіи его въ Карабагъ, кромѣ отрядовъ, разосланныхъ по разнымъ направленіямъ для возбужденія и поддержанія возстаній, было сорокъ тысячъ пѣхоты, 24 орудія огромныя толпы иррегулярной конницы.

На слѣдующій день, 26 іюля, лазутчикъ передалъ въ руки Реута копію извѣстнаго предписанія Ермолова объ отступленіи. Но отступить уже

было невозможно, и Реутъ, рѣшившись защищать Шушу до послѣдней крайности, принялъ къ тому всѣ мѣры. Зная, какое дурное впечатлѣніе на гарнизонъ могло произвести въ подобную минуту рѣшеніе главнокомандующаго оставить Карабагъ, онъ благоразумно скрылъ предписаніе даже отъ офицеровъ, а солдатъ одушевилъ, напротивъ, энергическимъ приказомъ:

«Я совершенно увѣренъ, — говорилось въ этомъ приказѣ: — что всякій изъ моихъ сотоварищей, по долгу присяги, чести, преданности къ государю и любви къ отечеству, неизмѣнно будетъ исполнять свою обязанность, не щадя себя до послѣдней капли крови, имѣя въ виду непремѣнное правило — побѣдить или умереть, и тѣмъ заслужить безсмертную славу».

Предстояла необходимость немедленно переслать Ермолову подробное донесеніе о всемъ, что произошло въ Карабагъ. Дѣло представлялось далеко не легкимъ, такъ какъ курьерамъ нужно было пробираться сквозь сплошную стѣну персидскихъ войскъ, обложившихъ Шушу. Нашлись, однако, два казака, которые вызвались доставить въ Тифлисъ донесенія. Ночью на 27 число выѣхали они изъ воротъ Шуши и стали пробираться къ Тифлисской дорогѣ, уже занятой персіянами. Ихъ скоро открыли, и цѣлая сотня всадниковъ пустились за ними въ погоню.

Цѣлыя сотни персидскихъ всадниковъ неслись за двумя казаками, взявшимися доставить въ Тифлисъ важныя донесенія.

Казакѣ порѣшили развѣхаться, чтобы, на случай гибели одного, другой могъ исполнить порученіе; одинъ пустился по большой дорогѣ, другой свернулъ на проселочную. Тоція донскія лошаденки превзошли, однако, отличныхъ персидскихъ скакуновъ, — и оба казака, далеко оставивъ за собою погоню, благополучно достигли Тифлиса.

Началась осада Шуши.

Взять эту крѣпость открытою силою почти не представлялось возможности. Правда, укрѣпленія ея находились въ довольно жалкомъ положеніи и не представляли собою никакой защиты для осажденныхъ: стѣны во многихъ мѣстахъ обвалились и частію были растасканы самими жителями на постройку своихъ домовъ; рвы осыпались, а крѣпостной артиллеріи не было вовсе. Но построенная на высокихъ отвѣсныхъ скалахъ Шуша была доступна только съ одной сѣверо-восточной стороны, отъ Елисаветполя, да и этотъ единственный путь, поднимаясь въ гору, былъ такъ извилистъ, крутъ и загроможденъ скалами и обрывами, что двѣ пушки, поставленныя на дорогѣ, и разсыпанная рота стрѣлковъ могли остановить цѣлую армію.

Къ сожалѣнію, егеря вступили въ Шушу только съ восьмидневнымъ продовольствіемъ, а въ крѣпости не было запасовъ и не было воды; гарнизону предстояла опасная борьба съ такими врагами, какъ

голодь и жажда. Аббасъ-Мирза зналъ это и только обложилъ Шушу со всѣхъ сторонъ, пока не прибѣгая къ болѣе энергическимъ мѣрамъ.

Въ столь затруднительномъ положеніи, Реуту, запертому въ Шушѣ съ отрядомъ, въ которомъ было не болѣе 1700 штыковъ, оставалось одно — исполнить долгъ храбраго солдата и сохранить честь предводимаго имъ полка. Однимъ изъ первыхъ его распоряженій было выслать изъ крѣпости всѣхъ молодыхъ татаръ, явно оказывавшихъ расположеніе къ непріятелю и потому представлявшихъ собою только лишніе и притомъ вредные рты; дача же провіанта съ перваго дня блокады уменьшена почти на половину.

Аббасъ-Мирза, главною цѣлью котораго былъ Тифлисъ, не нуждался въ Шушинской крѣпости; но онъ опасался, однако, оставить ее у себя въ тылу и пытался склонить полковника Реута очистить Карабагъ безъ боя. Уже вечеромъ 27 іюля прибылъ отъ него парламентаръ, съ настойчивымъ требованіемъ пропуска въ крѣпость. Это былъ простой офицеръ, родомъ изъ астраханскихъ армянъ, довольно хорошо говорившій по-русски; одѣтъ онъ былъ въ красный мундиръ, на манеръ англійскаго, съ серебряными эполетами и аксельбантами. Выѣхавшій къ нему навстрѣчу маіоръ Клюки-фонъ-Клюгенау, узнавъ въ лицѣ парламентаря армян-

скаго выходца, наотрѣзъ отказался представить его коменданту.

— Если его высочество намѣренъ вести переговоры о сдачѣ крѣпости,—говорилъ Блюгенау:— то онъ долженъ прислать почетнаго хана, а не простого армянина».

Напрасно обиженный армянинъ старался доказать важность занимаемаго имъ положенія въ персидской арміи и называлъ себя адъютантомъ принца. Блюгенау строго приказалъ ему ѣхать назадъ, и самъ возвратился въ Шушу.

Черезъ день къ воротамъ крѣпости подъѣхалъ одинъ изъ персидскихъ сановниковъ съ блестящею свитою; ему завязали глаза и доставили къ полковнику Реуту, который ожидалъ его, окруженный всѣми своими штабъ-офицерами. Ханъ объявилъ Реуту, что онъ уполномоченъ принцемъ предложить шушинскому гарнизону почетную сдачу. Дѣло было въ томъ, что персіяне, перехвативъ ермоловское предписаніе объ оставленіи Карабага, основали на немъ свои планы. Опираясь на то, что самъ Ермоловъ предписывалъ Реуту очистить Карабагъ и всѣ лишнія вещи уничтожить или утопить, Аббасъ-Мирза, напротивъ, предлагалъ потребное число подводъ для поднятія тяжестей, обязывался снабдить войска провіантомъ, обезпечить имъ безопасное слѣдованіе и, наконецъ, позволялъ выйти гарнизону съ оружіемъ и со всѣми военными почестями.

Это предложеніе произвело тяжелое впечатлѣніе на офицеровъ, отъ которыхъ, какъ, сказано, предписаніе Ермолова было скрыто. Тѣмъ не менѣе, когда Реуть предложилъ вопросъ о сдачѣ крѣпости на совѣщаніе, храбрѣйшій подполковникъ Миклашевскій, отважный и пылкій Лузановъ, стойкій Михайловъ, извѣстный впоследствии герой Чечни и Дагестана — Клюгенау и, наконецъ, комендантъ Карабага, Челяевъ — единодушно отвергли предложеніе, объявивъ, что готовы защищаться до послѣдней крайности.

Этотъ отвѣтъ Реуть передалъ парламентеру, прибавивъ отъ себя, что охотно исполнилъ бы предписаніе Ермолова, если бы оно застало его въ Чинахчи; но такъ какъ онъ занялъ уже крѣпость Шушу, то при всемъ великодушіи его высочества онъ не можетъ воспользоваться имъ для отступленія, тѣмъ болѣе, что со времени предписанія обстоятельства могли измѣниться, а потому для оставленія Шуши, а вмѣстѣ съ ней и Карабага, необходимо новое предписаніе.

Ханъ, пожалѣвъ объ участи, ожидающей гарнизонъ, уѣхалъ. Прошло еще два дня, — и началось бомбардированіе крѣпости.

Положеніе гарнизона было весьма серьезное. Солдаты, проводя дни въ работахъ, а ночи подъ ружьемъ, въ ожиданіи приступа, изнурялись до

крайности, и число больныхъ быстро возрастало. Жители страшно терпѣли отъ недостатка продовольствія, которымъ не успѣли запастись до начала осады. Было одно средство, — снять съ полей еще неубранный хлѣбъ; но попытка эта едва не повела за собою кровавую катастрофу. Фуражиры, высланные изъ крѣпости 1 августа, были отрѣзаны персидскою конницею и выручены только отчаянно смѣлою вылазкою маіора Блюгенау. Съ ротой егерей онъ успѣлъ привлечь на себя всю бывшую тутъ персидскую пѣхоту, а одна конница ничего не могла сдѣлать съ фуражирами. Отстрѣливаясь, они успѣли выбраться изъ ущелья къ крѣпости; но попасть въ нее черезъ Елисаветинскія ворота, около которыхъ происходила сильная перестрѣлка персіянъ съ отрядомъ Блюгенау, уже не могли. Пришлось направляться кругомъ, къ Эриванскимъ воротамъ, еще при началѣ осады заложенымъ землею и каменьями. Гарнизонъ быстро принялся очищать ихъ, чтобы впустить фуражировъ, а пока работа кипѣла, — Блюгенау все время стоялъ въ сильномъ огнѣ. Но тщетно персіяне пытались сломить храбрую роту. Блюгенау твердо выдержалъ яростныя нападенія и началъ отступать только тогда, когда фуражиры были уже внѣ опасности. Съ этого дня фуражировки, однако, совсѣмъ прекратились.

Къ счастью для гарнизона, персіяне не могли

прервать его сообщеній съ мельницами въ деревнѣ Шуша-кентъ, — по особымъ условіямъ мѣстности, въ которыхъ онѣ были расположены. На этихъ мельницахъ солдаты заготовляли муку, и если бы онѣ достались въ руки персіянъ, гарнизону пришлось бы питаться немолотымъ зерномъ. Аббасъ-Мирза неоднократно пытался истребить ненавистную ему деревню, но всѣ его усилія разбивались о стойкость армянъ и неприступность горъ, среди которыхъ стоялъ Шуша-кентъ. Жители предводимые своими старшинами Сафаромъ и Ростомомъ Тархановыми, засѣвъ въ скалистомъ ущельѣ въ вырубленныхъ природою глубокихъ и мрачныхъ пещерахъ, не только отражали враговъ, но, время отъ времени, сами спускались съ горъ и тревожили весь персидскій лагерь своими набѣгами.

Такъ прошло не мало времени съ тѣхъ поръ, какъ персидскія полчища обложили Шушу. Впечатлѣніе, вызванное внезапною вторженіемъ, притупилось, и фанатизмъ въ умахъ самыхъ непримиримыхъ татаръ сталъ уступать мѣсто холодному разсужденію. Невозможно было не видѣть, что богатый Тифлисъ вопреки обѣщаніямъ Шахъ-Заде, не такъ-то легко могъ быть взятъ. Да о Тифлисѣ мало кто уже и думалъ. Ожидали, что въ то время, какъ наслѣдный принцъ бесполезно стоитъ передъ Шушою, Ермоловъ соберетъ войска, — и роли могутъ перемѣниться.

Въ самомъ персидскомъ лагерѣ поднимался ропотъ и сталъ доходить до Аббаса-Мирзы. Тогда, чтобы покончить съ Шушою разомъ, онъ рѣшился на крайнюю мѣру—штурмъ ея. Но тѣ же Сафаръ и Ростомъ Тархановы, имѣвшіе въ персидскомъ станѣ своихъ приверженцевъ, предупредили Реута, что приступъ поведется со стороны Елисаветполя, и тѣмъ дали ему возможность принять соотвѣтствующія мѣры.

Въ одну мрачную ночь часовой услыхалъ съ вала шумъ взбиравшейся на горы персидской пѣхоты и далъ знать держурному офицеру. Войска, стоявшія наготовѣ, тотчасъ заняли свои мѣста. Маіоръ Клюгенау, распорядившись обороною этого фаса, строго приказалъ не открывать огня прежде сигнала.

Осторожно подвигались впередъ персіане, таща за собою огромныя лѣстницы и туры для закидыванія рва. Но когда они приблизились на ружейный выстрѣлъ, вдругъ вся окрестность мгновенно освѣтилась зажженными русскими подсвѣтами, и убійственная картечь начала осыпать штурмующихъ. Персіане бросились назадъ, покинувъ и туры и лѣстницы, которые на утро были подобраны солдатами.

Неудача заставила Аббаса-Мирзу перейти снова къ переговорамъ. На этотъ разъ свиданіе назна-

чалось уже не въ Шушѣ, а въ персидскомъ станѣ. Въ крѣпости бросили жребій, кому ѣхать, и онъ палъ на маіора Клюгенау.

Въ полной парадной формѣ, верхомъ на конѣ, спустился Клюгенау къ ожидавшемуся его внизу персидскому конвою. Въ непріятельскомъ лагерѣ его встрѣтили съ почестями; войска при проѣздѣ его становились въ ружье, музыка играла. У ставки наслѣднаго принца уже собраны были знатнѣйшіе персидскіе сановники и ханы; отрядъ тѣлохранителей, оберегавшій входъ, отдалъ честь, и Клюгенау замѣтилъ, что это были молодые люди знатнѣйшихъ фамилій и на подборъ красавцы. По сторонамъ палатки стоялъ лѣсъ распущенныхъ знаменъ, принадлежавшихъ полкамъ регулярной пѣхоты, и возлѣ нихъ толпилось множество офицеровъ шахской гвардіи. Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на Клюгенау, который, сойдя съ коня, терпѣливо ожидалъ представленія принцу.

Черезъ нѣсколько минутъ шелковый занавѣсъ шатра раздвинулся, и Клюгенау лицомъ къ лицу очутился съ наслѣдникомъ персидскаго царства.

Послѣ обычныхъ обоюдныхъ привѣтствій, Аббасъ-Мирза сказалъ Клюгенау: — «Я уже потерялъ всякое терпѣніе и не могу быть болѣе снисходительнымъ къ вамъ и къ жителямъ города. Мои войска неотступно требуютъ новаго штурма, но я

не хочу кровопролитія. Я все ждалъ, полагая, что вы образумитесь. Теперь не въ моей волѣ сдерживать стремленіе моихъ храбрыхъ войскъ. Я и такъ потерялъ слишкомъ много времени черезъ свою снисходительность».

Клюгенау молчалъ.

— Неужели вы думаете,—продолжалъ Аббасъ-Мирза:—что я пришелъ сюда съ войсками только для одной Шуши? У меня еще много дѣлъ впереди, и я предваряю васъ, что соглашусь на заключеніе мира только на берегахъ Москвы.

Замѣтивъ улыбку, невольно промелькнувшую на лицѣ Клюгенау, онъ съ живостью добавилъ:

— Клянусь вамъ честью, что вы не получите помощи. Что касается Ермолова, то его давно уже нѣтъ въ Тифлисѣ.

Клюгенау отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ полномочій вести переговоры о сдачѣ крѣпости, но что если его высочеству угодно обладать Шушою, то онъ можетъ обратиться за этимъ къ генералу Ермолову, который, конечно, предпишетъ оставить крѣпость, ежели только удержаніе Карабага не входитъ въ его соображенія.

— Въ Тифлисѣ мнѣ посылатъ незачѣмъ,—отвѣчалъ Аббасъ-Мирза:—я уже сказалъ вамъ, что городъ покинуть русскими.

На этомъ переговоры и кончились. Клюгенау воротился въ крѣпость.

Опять началась усиленная канонада, и опять гарнизонъ, исправляя поврежденія въ стѣнахъ, долженъ былъ бодрствовать по ночамъ, въ ожиданіи приступа. Такъ прошла изо дня въ день еще цѣлая недѣля. Наконецъ, персіяне, выбравъ темную ночь, кинулись на приступъ, но, встрѣченные баталіоннымъ огнемъ, отхлынули назадъ, заваливъ всю гору своими тѣлами.

Два отбитые штурма не поправили, однакоже, положенія гарнизона. Не было никакихъ извѣстій о томъ, въ какомъ положеніи находятся дѣла въ Закавказскомъ краѣ и можно ли ожидать выручки. Нѣсколько лазутчиковъ, посланныхъ Реутомъ, или возвращались назадъ съ полупути ни съ чѣмъ, или не возвращались вовсе. Для осажденныхъ настали минуты сомнѣній и колебаній. Жители, потерявъ надежду на скорую помощь, роптали; были даже попытки вступить въ тайныя сношенія съ персіянами, и одинъ молодой татаринъ хотѣлъ отворить имъ ворота. Правда, его поймали сами армяне и, не давъ знать коменданту, распорядились своимъ судомъ, сбросивъ измѣнника въ пропасть саженъ во сто глубиною; но гарнизону приходилось усилить бдительность. Чтобы успокоить осажденныхъ, полковникъ Реутъ прибѣгнулъ къ невинной военной хитрости. Въ темную ночь секретно былъ спущенъ въ одну изъ амбразуръ башенъ переодѣтый армя-

нинъ, который, обошедши вдоль стѣны до другой башни, назвался лазутчикомъ изъ Грузіи и просилъ впустить его. Караулъ немедленно извѣстилъ коменданта, и армянинъ былъ приведенъ къ Реуту. Онъ вручилъ ему депеши, присланныя будто бы отъ главнокомандующаго, которыя и были прочтены въ присутствіи всего военного совѣта. Содержаніе бумагъ было весьма утѣшительно, а переодѣваніе армянина исполнено съ такимъ успѣхомъ, что въ лицѣ подателя никто не заподозрилъ знакомаго чело-вѣка. Пріятная новость мгновенно облетѣла крѣ-пость,—и надежда скорой помощи подняла духъ жителей и усугубила ревность храбрыхъ защитни-ковъ.

Къ счастью, Аббасъ-Мирза не сумѣлъ восполь-зоваться моментомъ колебаній въ крѣпости, все еще не теряя надежды на успѣхъ переговоровъ, и въ третій разъ просилъ выслать къ нему парламен-тера.

Отправился опять Клюгенау.

— Ну, что, одумался ли, наконецъ, вапъ пол-ковникъ; кажется, уже пора!—сказалъ Аббасъ-Мирза.

— Я долженъ вамъ сказать прямо,—отвѣтилъ Клюгенау:—что мы оставимъ Шушу только тогда, когда получимъ приказаніе Ермолова.

— Хорошо, я согласенъ,—живо отвѣчалъ Аб-

басъ-Мирза:—Пошлите въ Тифлисъ своего офицера, а до полученія отвѣта пусть будетъ перемиріе.

Составлены были условія. Но Аббасъ-Мирза, соглашаясь на то, чтобы шунинскій гарнизонъ, въ случаѣ оставленія имъ Карабага, вышелъ изъ крѣпости со всѣми почестями, оружіемъ и казеннымъ имуществомъ, какъ исполняющій только волю своего главнокомандующаго, въ то же время упорно отказывался пропустить съ нимъ двѣ шести-фунтовыя пушки. Онъ требовалъ безусловно уступки ихъ персіянамъ, сказавъ, что такова его послѣдняя воля.

— Въ такомъ случаѣ переговоры не могутъ продолжаться:—отвѣтилъ Кюгенау и взялся за шляпу. Присутствовавшіе ханы стали его уговаривать исполнить желаніе наслѣднаго принца.

— Да вы скажите принцу, — возразилъ Кюгенау:—что, располагая идти къ Москвѣ, онъ возьметъ ихъ тамъ цѣлую сотню; такъ стоитъ ли изъ-за такихъ пустяковъ теперь терять драгоцѣнное время!

Этотъ аргументъ побѣдилъ настойчивость принца. Перемиріе было заключено на девять дней. Аббасъ-Мирза послалъ въ крѣпость въ заложники двухъ знатныхъ по своему происхожденію хановъ, а полковникъ Реутъ прислалъ въ персидскій лагерь маіора Челева. Кюгенау между тѣмъ отправился въ Тифлисъ, чтобы лично передать Ермолову о положеніи дѣлъ въ Карабагѣ.

Вотъ что отвѣтилъ Ермоловъ Реуту:

«Я въ Грузіи. У насъ есть войска и еще придутъ новыя. Отвѣчаете головою, если осмѣлитесь сдать крѣпость. Защищайтесь до послѣдняго. Употребите въ пищу весь скоть, всѣхъ лошадей, но чтобы не было подлой мысли о сдачѣ крѣпости».

«Защита Шуши—писалъ Ермоловъ въ другомъ письмѣ къ Реуту:—одна можетъ сдѣлать вамъ честь и поправить ошибки (оставленіе Чинахчи безъ боя и гибель Назимки). Извольте держаться и не принимать никакихъ предложеній, ибо подлецы васъ обманываютъ. Зачѣмъ прислали Клюки, который вамъ нуженъ? Онъ лучшій вашъ помощникъ. Защищайтесь. Соберите весь хлѣбъ отъ татаръ,— пусть съ голоду умрутъ измѣнники. Великодушно обращайтесь съ армянами, ибо они хорошо служать».

Обѣ записки доставлены были въ крѣпость лазутчиками, и персіяне о нихъ ничего не знали. Между тѣмъ условленные девять дней прошли, officialнаго отвѣта отъ Ермолова не было, а гарнизонъ сдаться опять отказался. Раздраженный этою новою неудачею, Аббасъ-Мирза вѣроломно задержалъ у себя Челева и отослалъ его въ Тавризъ, гдѣ тотъ и находился въ плѣну до самаго заключенія мира. Для крѣпости снова началось томительное и тяжкое время блокады и бомбардированія.

Впослѣдствіи оказалось, что непріятель велъ два подкопа подъ стѣны крѣпости. Изъ нихъ одинъ, впрочемъ, былъ брошенъ по неудобству грунта, но другой успѣшно подвигался впередъ, и при помощи его Аббасъ-Мирза рассчитывалъ теперь сломить упорное сопротивленіе гарнизона. Но защитники Шуши, одушевленные доблестнымъ примѣромъ начальниковъ, готовы были лучше умереть подъ развалинами крѣпости, чѣмъ уронить честь русскаго оружія какою бы то ни было почетною капитуляціею. Терпѣливо сносили они всѣ недостатки, безсмѣнно сторожили крѣпость и съ мужествомъ противостояли громаднымъ персидскимъ толпамъ. Когда запасы истощились, полковникъ Реуть самъ обходилъ солдатъ и старался ободрить ихъ надеждою на скорую помощь. «Ничего, ваше высокоблагородіе,—подождемъ!» отвѣчали солдаты.

— Да ужъ коли на то пойдеть,—шутили между собою егеря,—такъ мы по жеребью другъ друга вѣсть станемъ, а ужъ не сдадимся этимъ дуракамъ кизильбашамъ».

И мужество гарнизона было награждено уже тѣмъ, что, несмотря на тяжкія лишенія и вѣчную опасность, потери его были ничтожны. За все время осады среди защитниковъ крѣпости убито только четверо, 12 ранено и 16 пропало безъ вѣсти.

Такъ наступило 5 сентября. Начался этотъ

день обычными тревогами осажденной и голодной крѣпости. Но въ самый полдень весь персидскій лагерь пришелъ въ неописанное волненіе; какъ громъ разразилось надъ нимъ извѣстіе о грозной Шамхорской битвѣ, объ истребленіи авангарда Аббаса-Мирзы и о занятіи русскими Елисаветполя. Поздно увидѣлъ Аббасъ-Мирза, сколько времени потерялъ онъ даромъ, стоя передъ Шушинскою крѣпостью и, бросивъ блокаду, со всѣми силами двинулся онъ противъ князя Мадатова.

Защита Шуши, стоившая столько лишеній для отважнаго гарнизона и задержавшая персидскія полчища, получила значеніе не только великаго подвига, но и важнѣйшаго факта, обнаружившаго огромное вліяніе на ходъ всей войны. Такъ именно взглянулъ на дѣло Императоръ Николай Павловичъ. Храбрымъ защитникамъ крѣпости, егерямъ 42 полка, пожаловано было Георгіевское знамя съ надписью: «за оборону Шуши противъ персіянъ въ 1826 году». Полковникъ Реутъ получилъ орденъ св. Владиміра 3 степени. Не были забыты и армянскіе старшины Сафаръ и Ростомъ Тархановы, оказавшіе столь значительныя услуги. Ростому пожалованъ былъ чинъ прапорщика и пожизненная пенсія; матери, женѣ и дѣтямъ Сафара, умершаго вскорѣ послѣ снятія блокады, назначено особое содержаніе изъ государственнаго казначейства.

Память о геройской оборонѣ Шуши сохраняется и понынѣ въ тѣхъ полкахъ, въ которые поступили баталіоны славнаго 42 егерскаго полка, при общемъ переформированіи Кавказскаго корпуса въ 1833 году, а Георгіевское знамя, пожалованное Императоромъ Николаемъ, перешло въ 3-й баталіонъ нынѣшняго Тифлисскаго гренадерскаго полка, который своею доблестною службою прибавилъ, въ послѣдствіи, къ старой надписи новыя славныя слова: «и за Кавказскую войну».

Защита Шуши тѣсно связала съ именемъ этой крѣпости доблестное имя Реута. Но слава, которою покрылось оно, была обязана своимъ происхожденіемъ не выдающимся способностямъ вождя, а исключительно отличавшимъ Реута высокимъ чувствомъ долга и чести, которыхъ не могутъ замѣнить никакіе таланты. Благотворное значеніе этого чувства сказалось въ исторіи осады Шуши со всею своею силою. Въ полуразрушенной, но почти неприступной по расположенію, крѣпости не нужно было составлять сложныхъ плановъ защиты, но нужно было умѣть смирить свою личность передъ отчизною, поставить свои интересы и самую жизнь ниже интересовъ и жизни родины. И Реутъ, переносившій лишенія наравнѣ съ солдатами, умѣлъ вдохнуть въ нихъ мужество не только личнымъ примѣромъ, а и всеми своими дѣйствіями, прибѣгнувъ, въ самую

критическую минуту, даже къ невинному обману, служившему къ достиженію высокой цѣли.

Реутъ былъ истиннымъ сыномъ Кавказа и выразителемъ доблестнаго духа кавказскихъ войскъ. Онъ началъ службу въ Грузіи въ 1801 году, въ томъ самомъ 42-мъ полку, которымъ довелось ему въ послѣдствіи командовать, и не покидалъ Кавказа до самой смерти, посвятивъ этой странѣ всю свою долгую пятидесяти-двухъ-лѣтнюю службу. Онъ умеръ 70 лѣтъ отъ роду, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, членомъ Совѣта главнаго управленія Закавказскаго края. Безсемейный, одинокій человѣкъ, Реутъ не имѣлъ въ Тифлисѣ никого изъ близкихъ; но на погребеніи его былъ весь городъ. Его честная, многолѣтняя служба, вся посвященная Кавказу, понынѣ остается залогомъ прочной о немъ памяти.

В. Потто.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 іюля 1900 г.

Типографія Тренке и Фюсно, Максимилиановскій пер, № 13

